

дой, но поразившей его умъ многообразной цивилизаціи. Это чувство достойно извѣстнаго интереса само по себѣ; и до Теодориха такіе, напримѣръ, нетронутые никакими посторонними вѣяніями варвары, какъ Адларихъ, питали почтительныя чувства къ Риму,—но у нихъ эти чувства имѣли своимъ происхожденіемъ воспоминаніе о бывшемъ матеріальномъ могуществѣ столицы міра, суевѣрную мысль о неизбежной гибели, будто бы грозящей всякому, кто посмѣетъ взять Римъ и пр. Но здѣсь, въ лицѣ Теодориха, мы въ первый разъ встречаемся съ человѣкомъ, желающимъ учиться у Рима, воспринять и править своему народу римскую культуру, ставящимъ своею задачею созданіе крѣпкаго государственнаго союза именно при помощи усвоенія римскихъ политическихъ принциповъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Теодорихъ желалъ править совершенно самостоятельно отъ единственнаго прямого и законнаго наследника римскихъ цезарей, т. е. отъ византійскаго императора. Отсюда должна была появиться извѣстная двойственность въ его поведеніи, и, дѣйствительно, двойственность эта явилась въ первые же моменты послѣ завоеванія. Теодорихъ, дружественно разставшійся съ имперіей, послѣдствіемъ послать въ Константинополь пословъ, которые официально извѣстили императора объ усѣхахъ остроготскаго оружія и просьбы объ утвержденіи Теодориха въ званіи итальянскаго короля. Это было нужно Теодориху для того, чтобы его новые итальянскіе подданные смотрѣли на него, какъ на законную власть и подчинялись ему не только изъ страхъ, но и изъ совѣсть. Но еще когда послы находились въ отлучкѣ, совершился актъ торжественнаго провозглашенія Теодориха королемъ въ лагерѣ готовъ, сообразно съ старыми германскими обычаями. Итакъ, Теодорихъ сталъ властителемъ Италіи и по праву завоеванія, и по утвержденію со стороны византійскаго императора.

II.

Равьше всего политическія тенденціи Теодориха должны были сказаться въ методѣ управленія, въ административномъ устройствѣ, которое онъ ввелъ тотчасъ по завоеваніи страны. Это устройство было почти цѣликомъ заимствовано изъ старыхъ римскихъ админи-